

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-346-357

EDN: LEKHFA

Научная статья

Эрзянская поэзия на Урале: художественный мир Дмитрия Таганова

А. А. Арзамазов

Казанский научный центр Российской академии наук,
Российская Федерация, 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31

✉ arzami@rambler.ru

Аннотация. В статье в различных проблемно-тематических контекстах рассматривается поэтическое творчество одного из наиболее ярких представителей современной мордовской (эрзянской) литературы Дмитрия Таганова. Родившийся и живущий на Урале, Д. Таганов своей биографией, стихотворениями олицетворяет литературную диаспору мордвы. В ходе интерпретации выявляется, что его поэтический мир отличается аскетизмом образной системы, устойчивым, почти не меняющимся от сборника к сборнику набором образно-символических элементов. В сферу исследования попадают не только оригинальные, написанные на эрзянском языке тексты, но и сделанные автором русские подстрочники, позволяющие сразу в двух лингвопоэтических «проекциях» интерпретировать художественные особенности, стилистические детали. Установлено, что Д. Таганов в своих стихах преимущественно избегает актуализации этнокультурной компоненты, предпочитает этнически нейтральные лирические сюжеты, уделяет повышенное внимание психологическим реалиям любовной экзистенции. Проявлены некоторые мотивно-образные элементы, связанные с профессиональной деятельностью поэта — медициной. Важный аспект данной работы — анализ художественных переводов стихотворений Д. Таганова на русский язык. На примере отдельных текстов аналитически продемонстрированы сложность понимания переводчиком исходных произведений, факты невнимательного отношения к стержневым параметрам текста-оригинала.

Ключевые слова: эрзянская поэзия, художественный перевод, образная система, мотив, лирический герой, текст-оригинал, этническая идентичность

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Арзамазов А.А. Эрзянская поэзия на Урале: художественный мир Дмитрия Таганова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 346–357. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-346-357>

© Арзамазов А.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Erzya Poetry in the Ural Region: the Artistic World of Dmitry Taganov

Aleksey A. Arzamazov

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
2/31, Lobachevsky st., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
✉ arzami@rambler.ru

Abstract. The article deals with the problematic and thematic contexts of the work of Dmitry Taganov, one of the most prominent representatives of modern Mordovian (Erzian) literature. D. Taganov, who was born and lives in the Ural region, personifies the literary diaspora of the Mordovians with his biography and poems. In the course of the study, it was found out that his poetic world is distinguished by an ascetic figurative system and a stable set of figurative and symbolic elements, which almost does not change from collection to collection. The study included not only original texts in the Erzya language but also Russian interlinear translations made by the author, which allow interpreting artistic features and stylistic details in two linguopoetical “projections” at once. It has been established that in his poems D. Taganov mostly avoids the actualization of the ethno-cultural component, prefers ethnically neutral lyrical plots, and pays increased attention to the psychological realities of love existence. Some motif-figurative elements connected with the poet’s professional activity in medicine are shown. An important aspect of this study is the analysis of literary translations of D. Taganov’s poems into Russian. Difficulty in understanding the original works by the translator and facts of inattentive attitude to the core parameters of the original text are demonstrated on the example of texts.

Key words: Erzya poetry, literary translation, figurative system, motif, lyrical hero, original text, ethnic identity

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Arzamazov, A.A. 2023. “Erzya Poetry in the Ural Region: the Artistic World of Dmitry Taganov”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 346–357. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-346-357>

Введение

Обновление эрзянской литературы случилось в 1990-е гг. — в эпоху интеллектуальных открытий и больших исторических откровений. Художественное творчество еще по инерции какое-то время оставалось формирующим общественное мнение авторитетным социальным институтом, а поэзия воспринималась как элитарная сфера культуры. В словесность приходили молодые амбициозные таланты и не-таланты, вдохновляемые многообещающими этническими горизонтами. Все более значимую роль в духовной жизни народа, определяющую ключевые этногуманитарные векторы

движения, начинает играть диаспора. Эта «экспансия» извне наблюдается и в литературе.

Особенности творчества уроженца неблизкого к Поволжью Оренбуржья Дмитрия Анатольевича Таганова (1971), его одновременная интегрированность в мордовско-саранский литературный процесс и бросающаяся в глаза «уральская» инаковость как нельзя лучше характеризуют сложноустроенность современного эрзянского этнокультурного настоящего. Таганов — как это часто бывает с представителями окраины большого этнического мира — является как бы своим и чужим, нашим и не нашим. Для Дмитрия Таганова, по линии профессии не связанного с художественным словом, литература — еще один способ постичь внутреннее устройство человека, заглянуть в его тайно функционирующие «психоконгитивные лаборатории». Кроме того, поэзия, присутствие в литературной реальности мордвы, кажется, имеют для него этноидентификационную знаковость. При помощи стихописания осуществляется и процесс личной языковой легитимизации.

Доступная исследователю информация о творческой биографии Дмитрия Таганова в целом скупа на глобальные подробности, но изобилует факультативными деталями: член Союза писателей России, его стихи публиковались в региональных журналах «Сятко», «Чилисема», «Странник», «Дон» и др. В 1990–2010-е годы выходили сборники стихов «Сола вал» («Слово нежное», 1997), «Седейсэ тарка» («Место в сердце», 2009), «Весенний дождь / Тундонь пиземе» (2015), большое количество текстов все еще ждет встречи с читателем. Реалии, константы художественного мира Д. Таганова рассмотрены в контексте работ исследователей — специалистов по национальным литературам народов Поволжья и Урала [1–10].

Обсуждение

Стихотворения, вошедшие в коллективный поэтический сборник «Вечкемадо» («О любви», 1995), по всей вероятности, становятся первой значимой публикацией Дмитрия Таганова. Уже в ранних произведениях обозначаются темы, мотивы, стилевые приемы, к которым поэт будет регулярно возвращаться впоследствии. Таганов — автор с рано сложившимся художественным видением мира, он редко выходит за пределы своих стабильных творческих интересов, эстетических представлений. Стихи из книги «Вечкемадо» делятся на три основные содержательно-тематические группы: природно-пейзажную, любовную и — в широком смысле — этнокультурную. Последняя — количественно наименее репрезентативная, наиболее сложная для поэтического осмысления и воплощения. Поэт, по-видимому, только подступает к разработке эрзянского этнического ландшафта, осторожно, часто — без открытой идентификации — касается проблем сохранения национальной культурной самобытности.

Первый авторский сборник Дмитрия Таганова «Сола вал»¹, увидевший свет в 1997 году, — продолжение тем, смысловое усиление мотивно-образного комплекса, с которых эрзянский поэт начал свой творческий путь. Для литературной модели Таганова характерно поступательное тематическое развитие, его художественной концепции чужды резкие содержательные развороты. В стихотворениях дебютной книги представлены чаще драматические, реже — гармоничные любовные отношения, получили отображение многогранные апелляции лирического субъекта к природе, ее очевидным и неочевидным сторонам жизни. Показательно коммуникативное устройство большинства текстов: наблюдается почти повсеместное высказывание Я-лица, другие актанты как будто не получают право голоса. Такой Я-центрический фокус художественной коммуникации, возможно, продиктован непосредственно темпераментом автора, его выраженной потребностью в исповедальной саморефлексии.

Заметна и общая назидательно-педагогическая тональность лирического повествования, особенно ярко проявляющаяся в общении с девушкой / женщиной. Лирический герой-мужчина предпочитает придерживаться позиции старшего, человека более мудрого, опытного, способного многому научить избранницу. К важным особенностям произведений относится некоторая «скупость» образной системы. Д. Таганов не стремится к актуализации новых символов — ему кажется, что полнота поэтического звучания достигается за счет проработанных ранее, проверенных образно-ассоциативных цепочек. Интересно, что в стихах эрзянского автора фиксируется как художественный прием ситуативно-смысловое сочетание сложносовместимых явлений, предметов.

Любовная лирика в рассматриваемом сборнике в очередной раз показывает, что переживания лирического героя полны противоречий и контрастов, надежд и печали. В одних произведениях чувство любви, реальность отношений — это состояния максимальной открытости, обнаженности, легкости, чистоты. В других — имеют место признаки разочарования, обиды, у персонажа появляется понимание, что нужно было иначе входить в любовную историю. В третьей группе стихотворений между мужским Я и женским Ты — расставания, оторванность друг от друга, хрупкая надежда на возможность воссоединения: *Кедезэть саемак — / шождан теке, сув. / Ведекс куи симемак — / содан ведень лувс. / Бути мелеть, толокс / велявтан тонеть. / Ансяк иля сола / раужо пелеветь*² — Гол пред тобой, / прозрачен, как воздух. / Посмотри, чего опасаясь, / Чего бояться зря? / В руки меня возьми, / Я легок, как туман, / Выпей как воду меня. / Мне известны ее законы, /

¹ Таганов Д.А. Сола вал [Слово с нежностью]. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1997.

² Там же. С. 7.

Если надо огнем / обернись для тебя, / только не растай / черной ночью (подстрочник Д. Таганова); *Тонь марто эзь эряво башка валт, / прянь нолдтнемась ды / шумбрачинь кевкстнемась. / Бокасон эзить цитне кельме калкс. / Икелем тет эзь кекшеве кецнемась. / Ды валот — а ёвтавикс шождачить. / Кортамонок таргавольть иень туро. / Сынь ульнесть ванькст... / Ды пелькстамотне псить... / ...Марявсь минь тарадт / вейке явноть куронь³ — С тобой не надо было пустословить. / Не нужны были вежливые расспросы. / Ты холодной рыбой не серебрилась предо мной. / И не могла сама скрыть радости. / И слова — несказанная легкость. / Разговоры наши могли бы тянуться год. / Они чисты. / Казалось, мы ветви / одного разделенного куста (подстрочник Д. Таганова).*

На качество любви могут влиять не только внутренние реакции, но и внешние оценки. Для лирического субъекта далеко не последнюю роль играет мнение других. Сторонние подозрение, неприятие, осуждение вызывают сомнение в правильности любовного выбора. Нельзя не заметить, что для финно-угорского этнофора большую важность представляет общественное мнение. Вероятно, эта отсылка к позиции чужого / другого — «работающая» в тексте этнопсихологическая особенность: *Нать берянь тонеть мартом аштекинемс / Каргонь Кинть / валоть ловсонзо ало? / Ломань сельмеде куракика кекшинемс / ды тандадозь / кунсолото валом...⁴ — Видно, худо тебе было со мною стоять / под Журавлиным путем, что / разлился молоком? / От глаз людских скрываться в зарослях / и испуганно слушать меня... (подстрочник Д. Таганова).*

События, сюжеты, сопряженные с личной жизнью героев, их эмоциональными гранями, традиционно находят выражение на символическом языке природы.

В текстах из сборника «Сола вал» широкий диапазон применения у постоянных мотивов Д. Таганова. Так, с высокой частотой и в разных контекстах поэтически обозначается категория легкости: *Шождан теке, сув — Я легок, как туман; Ды вешан шожда этьмечи... — И прошу еще легкого смирения...; Ды валот — а ёвтавикс шождачить... — И слова — несказанная легкость...; Валозот чарькодинь, ней содан — юткстонок олась шождачись... — Я понял тебя и знаю, меж нами вылиняла легкость...*

Как и в сборнике «Вечкемадо», разносторонне привлечены образно-семантические поля согревания / горения / сжигания / обжигания / огня. Вновь воплощением внутренних переживаний становится сердце: *Кельмезь седеем / эжеме кармась. / Эзинь учне уцяскадонть чансть. / Эзинь веше ды эзинь аварде. / Течи кедезэм /вечкемат прась, кавто ойменек / вейсэ ней*

³ Таганов Д.А. Сола вал [Слово с нежностью]... С. 11.

⁴ Там же. С. 27.

*тардить*⁵ — Остывшее сердце согревается. / И не ждал от судьбы я блага. / Не просил, не выплакивал. / А сегодня любовь прямо в руки упала. / И вместе мы согреваемся (подстрочник Д. Таганова); *Седеем пурксик пиземесэть. / Чопавтук сэтьмес / лаки чим...*⁶ — Окропи мое сердце своими дождями. / Окуни в тишину / кипящие мои дни... (подстрочник Д. Таганова).

В символическом измерении книги «Сола вал» видное место занимают атмосферно-воздушные образы, предикаты. Обращение к этому ассоциативному пласту нередко акцентирует эфемерность, «воздушность», даже ирреальность стихотворно иллюстрируемых состояний, действий.

К основным пространственно-временным осям проанализированных произведений относится один из регулярных у Таганова мотивов пути-дороги: *Сэнить моли виресь / Нуштань ки / чись леди пакся / сырнень налтсо. / Монь вирев Вась алям уски / ды кази ёвкссо — / седей палтсо. / Мон — пакшан — / кецямонть не / а муян. / Эйсэм учи виресь! / ...Вась алям сэредсь. / Ине ве / кецнемачинзэ / пирязь пирясь...*⁷ — Синее лес в дали. / Дорога Нушты. / Солнце косит поле золотым лучом. / Дядя Вася в лес меня везет / и дарит сказку — / кусочек сердца. / Я ребенок, / радости предела нет, / меня ждет лес! / ... Дядя Вася болел, / его радость уже / закрывалась великой ночью... (подстрочник Д. Таганова); *Кемема ды кемевиксчи / мон Пазонть кедьстэ / эстенъ вешан. / Тень алтазь, вай! / Пупорьксэв ки — / секс вешан неже*⁸ — Веры и верности / У Бога для себя прошу. / Мне обещана трудная дорога, / поэтому прошу опоры (подстрочник Д. Таганова).

Примечательно, что вопреки перманентной манифестации легкости в произведениях Таганова путь / дорога «окольцованы» сложностями, испытаниями, смертью. Речь идет не только о житнотекстах Я-субъекта, но и полном символических сигналов бытия других персонажей.

Среди заметных лингвопоэтических особенностей текстов Дмитрия Таганова — широкая распространенность отрицательных и повелительных форм. С заметным авторским упорством актуализируется частица *кадык* «пусть»: *Кадык пиземесь чамазом ракси. / Кадык рудазов моданть сты. / Яатеке мон чачинь а янксемс. / Монь вечкемам вечкема васты. / Ды а мени монь озязось кедьстэнь. / Пси чипаем кедь тень а пици. / Кельме пиземень кериця ведьстэнтъ / апак начто монь ойдем лиси*⁹ — Пусть дождь хохочет мне в лицо / Пусть пришивает к грязной земле / Я всё же рожден не для сожалений. / И моя любовь встретит свою. / И не выпорхнет / моя птаха из рук. / Горячее солнце не сожжет кожу. / Из режущего наотмашь дождя / выйдет сухой моя душа (подстрочник Д. Таганова).

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Таганов Д.А. Сола вал [Слово с нежностью]... С. 21.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Там же. С. 15.

Некоторые свои стихи Дмитрий Таганов оставляет без подстрочника. У такого авторского выбора, по всей вероятности, своя логика. Так, заклинательно-побудительное произведение «Кармавтома», в котором именно слово *кадык* заявлено как интегрирующий другие элементы текста грамматический и смысло-символический маркер, поэтому не перекладывается на русский:

Кармавтома

Кадык путыть тумонь крёст
калмом лангсо.
Кадык ойми потмом — лоск –
лиянь вакссо.
Кадык лайшесамизь монь
бабань лацо.
Кадык начтни велькссэнь сёксъ
пелень пацят...¹⁰

В 2015 году вышел двуязычный сборник стихотворений «Весенний дождь [Тундонь пиземе]»¹¹. Эта книга по большому счету — соперничество поэта и молодого переводчика на русский язык Татьяны Крещенской. Формат анализируемого издания показательный — автор, пишущий на национальном языке, в этногуманитарных реалиях современной России вынужден идти на творческое взаимодействие с «посредниками», предположительно способными представить оригинальные тексты по-русски и открыть к ним доступ русскоязычным читателям. Уже не в первый раз приходится констатировать, что подобное сотрудничество часто не приносит должного результата. Переводчики, как правило, поверхностно работают с заданными произведениями, подстрочниками, не вникают в этнокультурные нюансы, игнорируют важные с точки зрения осуществляемого лингвокультурного трансфера языковые элементы. В итоге — исходные стихи в русскоязычном воплощении даже проигрывают в плане художественного качества, самобытности. И речь уже не идет о семантической точности, профессиональной позиции максимального приближения переводящего к первоначальному замыслу. В этом плане беспроигрышным ходом могла бы стать подготовка подстрочников непосредственно самим писателем. К слову, Дмитрий Таганов делает подстрочники на вполне «презентационном» уровне.

Непростое сосуществование эрзянских стихотворений и русских переводов в книге «Весенний дождь [Тундонь пиземе]» обнаруживается почти сразу. При параллельно-сопоставительном их прочтении фиксируется

¹⁰ Таганов Д.А. Сола вал [Слово с нежностью]... С. 55.

¹¹ Таганов Д.А. Весенний дождь [Тундонь пиземе]. Оренбург: Т-стихи, 2015.

несовпадение количества стрóf, строк, различие текстового (структурно-композиционного) устройства, наблюдаются многочисленные случаи «перекодировки» образов, гендерных искажений, несхожести темпераментов. Впрочем, не все столь однозначно: в сборнике немало прецедентов и удачных «попаданий» в текст, примеров художественных сближений двух текстоформирующих индивидуальностей. В нашем распоряжении оказались неопубликованные авторские подстрочники, позволяющие сделать вывод о том, что в отдельных фрагментах автор и переводчик порой существуют в совершенно разных «модусах» творческого бытия и видения «правды» произведения. Негативные стороны русских переводов — их чрезмерная «сглаженность», периодическое проявление приторно-слащавых, «шансонных» выражений и интонаций, чуждых авторскому курсу, стилевые «непопадания»:

*Витюрдыть нармушкатне вирьсэ,
Эрямо таркаст кецязь шныть.
Ванькс чудикерьксэнь чова кирьксэсь
Стака арсеман эйсэ шли.
Вановксом менелев кепедьса —
Пой тарадонь кружовась айгсь.
Ды редяса: перькан ды вельксэнь
Тундось моли келей эскельксэ
Ды нави моданть моронь гайтьс¹².*

Щебечут птицы в лесу,
Хвалят родные места.
Чистого ручья тоненькая низка
Смывает тяжкие мысли.
Подниму взгляд вверх
И сквозь кружева осиновых ветвей
Увижу: вокруг и надо мной
Весна идет широкими шагами.
И окрашивает мир в мелодии песен.
(Подстрочник Д. Таганова)

Птицы в лесу поют,
Славят места родные.
Я из ручья поплюю,
Сброшу деньки лихие.

¹² Таганов Д.А. Сола вал [Слово с нежностью]... С. 13.

Ввысь подниму свой взгляд
Сквозь кружева осины
Вижу весну и рад,
Есть она в небе синем.
Радостно, широко
Наша весна шагает,
Песнями так легко
Мир вокруг украшает...

(Перевод Т. Крещенской)

*Мезесь, ёвтак, а истя?
Мейсэ чави апарось?
Ушов варшатака-листя —
Ковонь вандолды чарось!
Коштонть цёковтне сезить.
Калень тапаркска кекшинесть.
Теде арсить ней? Эзить.
Мельтне лиятат вешнесть.
Юты мелявксось, поты.
Модас, менельга соты.
Одов кемемась коды
Вельтямо лия коцтонь.¹³*

Что, скажи мне, не так?
Чем бьет недоброе?
На улицу выйди — посмотри —
Луна играет светом.
Воздух разрывают соловьи,
Спрятавшиеся в переплетениях ветвей.
Думала ли об этом сейчас?
Нет, иного просила, искала.
Пройдет невзгода, отступит.
В землю уйдет, растворится в воздухе.
Снова надежда сплетет
Покров из новой ткани.

(Подстрочник Д. Таганова)

---

¹³ Таганов Д.А. Сола вал [Слово с нежностью]... С. 9.

Проиллюстрированные проблемы художественных переводов — явление очень распространенное. Его причины имеют комплексный характер, в значительной степени связаны с лакунами культурной политики постсоветской России, с тотальным разрушением советской школы художественного перевода.

В содержательно-тематическом аспекте рассматриваемый билингвальный сборник отличается от двух предыдущих тем, что в нем фактически единственным измерением поэтизации оказывается любовь между мужчиной и женщиной, раскрываемая сквозь призму ее мелодраматической, событийной многогранности. Мир природы в этих стихах как бы отодвигается на второй план, его поэтический символизм несколько «приглушен», привлекается реже и нередко — более поверхностно, чем прежде. Стихотворения из книги «Весенний дождь [Тундонь пиземе]», как правило, выполнены в привычной для Таганова форме обращенного к женскому Ты мужского монолога. Иногда женский персонаж «провоцирует» лирического субъекта на диалог, почти равную коммуникацию. В любовных произведениях лирический герой погружен в состояние рефлексии, пытается разобраться со своими чувствами, перебирает «четки» прошлого, старается понять, что именно привело к разлукам, личным неудачам и утратам. Любовные истории в сборнике «Весенний дождь [Тундонь пиземе]» — это возвращение к былому, нарративы воспоминаний, постоянное предчувствие конца, предельности взаимного счастья. Потеряв возлюбленную, мужчина не только вспоминает, но и отправляется на поиски новой любви, надеется на новые встречи. Вновь обращает на себя мотивно-образная стабильность стихов Дмитрия Таганова: сжигание / горение / ранение / физическая боль сопровождают любовные переживания и травмы.

Заключение

Поэзия Дмитрия Таганова, как бы это парадоксально ни звучало применительно к творчеству, имеет ярко выраженный индивидуальный характер. Его тексты, преимущественно — лаконичные, нередко лишены привычных для национальной традиции рифмовой «гладкописи», образно-символической «широты» — на фоне доминирующих мордовских поэтических стратегий и эстетических предпочтений хорошо узнаваемы. Таганов выделяется среди коллег по перу уже тем, что он не изменил своей основной профессии — медицина была и остается основным делом его жизни. Естественно, что в его стихах дают о себе знать и «цеховые нарративы». Правда, речь идет об умеренной экспликации телесности — пишущие врачи, напротив, обычно в более открыто-откровенном виде выносят на обозрение радости и страдания тела. Лирические герои Дмитрия Таганова могут испытывать сильную физическую боль. Ожоги, ранения тем не менее — своеобразные знаки переноса

внутренних переживаний на внешний — телесный — уровень. Вероятно, обусловлены «медицинской ментальностью» автора и такие особенности психологического плана, как повышенная коммуникабельность Я-субъекта, иногда проявляющаяся высокомерная тональность по отношению к собеседнику, регулярная манифестация больших объемов жизненного опыта, как будто оказывающая давление на воспринимающую сторону. Отсутствие гуманитарного образования, недостаточность профессионально-писательского кругозора частично сказывается на художественной природе произведений. Бесспорная литературная одаренность Д. Таганова несколько контрастирует с очевидными «сферами пустоты» его поэтического мира. Хорошо заметны ограниченность образной системы, «невключенность» питающих лирику культурных кодов, интертекстуальных ресурсов, общая нереализованность этнокультурных возможностей.

Дмитрий Таганов — один из немногочисленных авторов из эрзи, кто прекрасно осознает этносохраняющую знаковость творчества на родном языке. Вновь срабатывает в лингвокультурном плане почти всегда надежный «механизм» мордовской диаспоры. Вместе с тем поэт пытается разомкнуть некоторую замкнутость эрзянского слова, все чаще прибегая к посредничеству русскоязычных переводчиков-любителей. Однако русские, художественно обработанные версии его стихотворений нельзя назвать очень успешными. Эстетически тоньше, содержательно точнее подстрочники, подготовленные самим Тагановым.

Очевидно, что творчество Дмитрия Таганова — отдельно-самодостаточное «ответвление» современной мордовской литературы, в целом обогащающее и обновляющее национальную традицию. И в то же время в его стихотворениях отражены многие «родовые» проблемы эрзянской культуры.

Список литературы

1. Антонов Ю.Г., Карпов Н.В. Мотивно-образный мир лирики Дмитрия Таганова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16. № 3. С. 462–469. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-3-462-469>
2. Завьялов С.А. Сквозь мох беззвучия: поэзия восточнофинского этнофутуризма // Новое литературное обозрение. 2007. № 85. С. 339–353.
3. Ибрагимов М.И. Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2018.
4. Каторова А.М. Основные направления развития мордовской литературы в начале XXI в // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 1 (25). С. 122–131.
5. Манаева-Чеснокова С.П. Художественный мир современной марийской поэзии: монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004.
6. Налдеева О.И. Жанровая система поэзии Мордовии: генезис, эволюция, поэтика: монография. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт, 2012.
7. Остапова Е.В. Коми литература в зеркале перевода. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2016.

8. Сафиуллин Я.Г. От романтизма к сопоставлению литератур / науч. ред. М.И. Ибрагимов, сост.: В.Р. Аминова, Э.Ф. Нагуманова, А.З. Хабибуллина. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021.
9. Султанов К.К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019.
10. Хузангай А.П. Без иллюзий: мой временник. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2017.

References

1. Antonov, Yu.G., Karpov, N.V. 2022. “The motif-imaginative world of the lyrics of Dmitry Taganov”. Yearbook of Finno-Ugric Studies 3: 462–469. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-3-462-469> (In Russ.).
2. Zav’yalov, S.A. 2007. “Through the Moss of Silence: Poetry of East Finnish Ethnofuturism”. *Novoe literaturnoe obozrenie* 85: 339–353. (In Russ.).
3. Ibragimov, M.I. 2018. National Identity of Tatar Literature: Modern Research Methods. Kazan: IYaLI im. G. Ibragimova publ. Print. (In Russ.).
4. Katorova, A.M. 2013. “The main directions of development of Mordovian literature at the beginning of the XXI century”. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel’stve Respubliki Mordoviya* 1 (25): 122–131. (In Russ.).
5. Manaeva-Chesnokova, S.P. 2004. Artistic world of modern Mari poetry: monograph. Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI publ. Print. (In Russ.).
6. Naldeeva, O.I. 2012. Genre system of Mordovia poetry: genesis, evolution, poetics: monograph. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute publ. Print. (In Russ.).
7. Ostapova, E.V. 2016. Komi literature in the mirror of translation. Syktyvkar, Syktyvskii gosudarstvennyi universitet im. Pitirima Sorokina publ. Print. (In Russ.).
8. Safiullin, Ya.G. 2021. From Romanticism to Comparison of Literatures. Kazan: IYaLI im. G. Ibragimova publ. Print. (In Russ.).
9. Sultanov, K.K. 2019. Refraction angle. Literature and identity: the communicative aspect. Moscow: IMLI RAN publ. Print. (In Russ.).
10. Khuzangai, A.P. 2017. Without illusions: my temporary. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel’stvo publ. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Арзамазов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра Российской академии наук. E-mail: arzami@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7577-5917

Bio Note:

Aleksey A. Arzamazov is a Doctor of Philology, Head of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology of the Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: arzami@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7577-5917